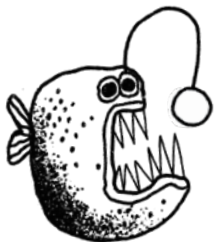


# СОДЕРЖАНИЕ



Алексей Олейников  
**СИРЕНЕВЫЙ ТЮЛЬНИК**

7

Антон Соя  
**БОРОДАТЫЙ МАЛЬЧИК**

45

Валентина Филиппенко  
**КАК МОЙ ДЕДА СПАС МОРЕ**

59

Дарья Доцук  
**ГОЛУБАЯ МЕДУЗА**

75

Софья Ремез  
**СИНИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК**

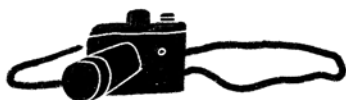
97

Наталья Волкова  
**ЭФФЕКТ ХРОМАКЕЯ**

115

Ольга Лишина  
**ЗОЛОТОЙ ВЕНЕЦ РУСАЛОК**

135



Юлия Кузнецова  
**ЧЁРНОЕ ОЗЕРО**

153

Нина Дашевская  
**ЗОЛОТОШАР**

173

Лариса Романовская  
**ПЛАНЕТА ПЛАТОН**

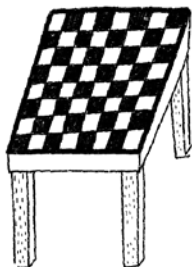
193

Валентина Дёгтева  
**ПРИНЦЕССА ПРОТИВ!**

213

Ая Эн  
**БРОНЗОЗАВРЫ  
НАШЕГО ПРАДЕДУШКИ**

235



# СИРЕНЕВЫЙ

The background is a vibrant purple. At the top, the word 'СИРЕНЕВЫЙ' is written in large, white, stylized letters. Below it, a girl in a striped beanie and winter coat holds binoculars. To the left, a girl with large, dark wings sits on a glowing, crystalline leaf. At the bottom, a large, stylized tulip flower is depicted in shades of purple. The scene is decorated with white starburst patterns and swirling white lines.

# ТЮЛЬНИК

АЛЕКСЕЙ  
ОЛЕЙНИКОВ

Кто вообще выходит в лесопарк 31 декабря в одиннадцать часов вечера?

Нормальные люди сидят дома и салат едят. И бенгальские огни жгут. И желания загадывают. Бумажки сжигают и в бокалы пепел сыплют, а потом выпивают быстро, чтобы желание сбылось.

А дети, между прочим, спят давно, потому что Дедушка Мороз не придёт к тем детям, которые не спят. А он, Семён Тихонов, десяти лет от роду, ученик четвёртого класса «Ю» школы имени Мартына Летунова, тащит вверх по скользкому склону тяжеленную ватрушку. И родители уверены, что ему весело. Ага! Холодно, снег за шиворот. И ватрушка эта ещё. Такое веселье.

На вершине склона появилась мама.

— Давай быстрее, Сёмушка! — закричала она. — Скоро Новый год!

«Вот», — подумал Семён. Вот именно. Он вообще в этот парк идти не хотел. Но когда родители спрашивали его мнения? Пойдём гулять, смотри, какая погода, хватит киснуть дома! Где твои перчатки, где твои ботинки, побежали быстрее. Вам надо — вы и бегите. А я дома посижу.

В этом празднике Семёна интересовали только подарки, которые он давно обнаружил в шкафу. Про Деда Мороза он так сказал, для красоты. Не верил Семён в Дедов Морозов, Снегурочек, зубных фей, инопланетян и героев. Он верил в квантовую физику и доктора Хокинга. Семён был ребёнок продвинутый, вёл свой канал на Ютьюбе, где показывал разные физические и химические опыты. Он любил порядок, познавательные книги по физике, шахматы, пижаму и спать. Ну, ещё, конечно, фисташковое беже, но должны же быть у него слабости.

В эту ночь Семён вообще планировал лечь поспать, чтобы быстрее завтра распаковать подарки и заняться 3D-ручкой, которую давно заказал папе... то есть Деду Морозу. Конечно, 3D-принтер был бы круче, но папа сразу сказал, что принтер тяжёлый, дедушка не донесёт.

По правде сказать, Семён вообще не любил двигаться. Вот лежать с комиксами, а по праздникам с планшетом — это он понимал: отдых. Неторопливый человек был Семён, основательный. Даже непонятно, как его взяли в школу имени Мартина Летунова. Школа эта была со спортивно-физическим уклоном. Это значило, что они уже в четвёртом классе начинали изучать основы физики — единственное, что примиряло Семёна с жизнью, а креативная

физкультура у них была пять раз в неделю: прогулки, катание на скейте и роликах, баскетбол, футбол, квиддич на траве и метание ёлочных игрушек. Последнюю забаву их физрук придумал на новогодние праздники, но ведь могли бы предложить повырезать снежинки или там склеить что-то! Почему обязательно надо куда-то бежать, что-то кидать или кого-то ловить? Семён решительно не был счастлив в этой школе, и только углублённая физика скрашивала его будни.

Он наконец забрался наверх, втянул ненавистную ватрушку и посмотрел на поляну. Там гремела (и светилась) переносная колонка, мама пила чай, а папа со старшим братом кидались снежками.

— Иди к нам! — замахала мама. — Новый год пропустишь!

— С вами точно пропущу, — буркнул Семён, но в ответ жестами показал, что, мол, сейчас придёт, только ещё разок скатится.

«Уехать бы куда-нибудь от них... Например, в будущее», — подумал Семён. Он с досады сдвинул ватрушку с накатанного пути и перенёс на другую сторону холма, где ещё ни разу не катался. «В будущем, наверное, никого не заставляют веселиться, если ему не хочется».

Он бухнул ватрушку на землю. Подгрёб ногами вперёд. Замер, балансируя на краю. За нетронутой бе-

лизной снега поднималась синяя тьма, другая сторона оврага не просматривалась, и Семёну стало страшно-вато. Очень даже страшно-вато, особенно когда кусты наклонились и медленно двинулись навстречу.

«Ой, мама», — подумал Семён и завертелся, пытаясь остановить ватрушку, но было поздно — его потащило вниз, в ледяную темноту. Мимо понеслись — сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее — кусты, пеньки, сугробы, из которых торчали какие-то палки, рыжая трава, выбившаяся из-под снега, вросшие в лёд пивные банки и прочая дрянь. Чёрные столбы деревьев вылеплялись из густой непроглядной синевы и стремительно уносились назад, тени завертелись над головой Семёна, ветер бил в лицо.

Семён заорал, когда ватрушка стала подпрыгивать и подлетать в воздухе. С каждым прыжком она была всё выше и выше, и всё дольше длился её полет, а склон всё не кончался и не кончался, и он будто ехал в трубе — верх её чёрный, низ белый, а потом верх стал белым, а низ чёрным, а ватрушка будто бы засветилась прозрачным сиреневым огнём, но светлее вокруг не стало.

Семён закричал уже во весь голос, но крика своего не услышал: страшный ветер затолкал его обратно в рот, перед Семёном вдруг встала отвесная

стена — ломаная, бугристая гранитная стена, горящая на изломах камня тысячами искр, как звёзд, в которую он летел со всего размаху...

Раздался грохот — такой, будто бы что-то взорвалось, — ватрушка подпрыгнула несколько раз и начала замедляться.

Семён ещё полежал немного, не открывая глаз. Просто сил не было. И мутило его порядочно. И вообще, хорошо, знаете, лежать на ватрушке в новогоднюю ночь на дне оврага. Живым, с целыми руками и ногами.

— О, лукайте, здесь исто кто-то! — послышался чей-то голос. Детский голос, понял Семён. Девчоночий. На каком она языке говорит? Сербский?

— Марциал, а се кто?

— Зиль, так неполитично гутарить, я сколь раз тебе... О, и то есть оправда, бой, а ты откела тут...

Семён открыл глаза, икнул от страха. Перед ним стояли два эльфа. В шортах, каких-то плетённых футболках, тёмно-синих кроссовках на светящейся красным подошве. За спиной у эльфов переливались радужным светом прозрачные крылья, похожие на стрекозиные. Над головой плавал шарик белого света, который разгонял густые сумерки. А рядом стоял оборотень! Настоящий, как в фильмах, коренастый, обросший шерстью, с жёлтыми



светящимися глазами, ростом с Семёна. Такой мини-оборотень. Детёныш. На груди у него болтался на ремешке старый мобильный телефон с кнопками. Кажется, Семён знал по мемам, как он называется. «Нокиа 3110» — вот как.

Оборотень потянулся и обнюхал его. Вид у него сделался озадаченный. Семён раскорячился в ватрушке. Сейчас бросится, а он тут как закуска.

— Запах. Чудесато, — сказал оборотень. — Запах не есть здесь.

— Вы кто... — выдавил Семён и в панике завертел головой. — Вы как...

Кто это? Где мама, где папа? И почему овраг такой... Снега не было. По дну оврага протянулась угольно-чёрная дорожка. Вдоль неё росли густые тёмно-зелёные папоротники и невысокие пальмы. На деревьях — некоторых, особенно больших, — мерцали странные светящиеся узоры. Над оврагом пролетело что-то быстрое, бесшумное. Прилепилось на дерево рядом, Семён остолбенел — это была небольшая крылатая ящерица. Он задрал голову выше и вцепился в ватрушку ещё сильнее.

Мамочки... Куда он попал?!

Небо пронизывали светящиеся нити. Они связывались в шестиугольные прозрачные соты, как будто всё небо превратилось в улей. Ниже этих сот, как зо-

лотые ленивые пчёлы, перемещались вереницы больших светящихся шаров. Иногда они зависали, опускались, пропадали за деревьями или взмывали выше.

Старший из эльфов шагнул к нему, нагнулся. Он оказался очень похож на человека, глаза у него были разные: один голубой, другой зелёный, — по вискам спускались две длинные косички с вплетёнными хрустальными бусинами. Но в целом он был очень похож на человека. Уши были не острые, круглые были уши. Не то что у этого... который обнюхивает.

Семён рывком отодвинулся от оборотня вместе с ватрушкой. Та заскрежетала. Оборотень переключился на неё. Уши у него встали торчком, а глаза расширились, когда он увидел снег.

Старший эльф что-то спросил. Медленно, отчётливо. Потом ещё раз. И ещё. Фразы звучали по-разному, и Семён догадался, что это разные языки. Но он не понял ни одного из них и, собрав воедино все знания английского, которые впихивала в них учительница Надежда Борисовна, выдавил:

— Май нейм Семён. Я лайк колбаса и мандарины. Я лив фром ту ин Москоу. Вэ Москоу.

Эльф нахмурился, постучал по браслету — тот был красивый, плетённый из множества разноцветных металлических нитей, по нему бежали огоньки, пропадали, возникали снова.

— Семён я... кто вы такие... где моя мама... где я... — Слёзы уже подступали, Семён хлюпал носом, но держался изо всех сил — мало ли, может, этот клыкастый набросится, когда почувствует слабинку.

Глаза у эльфа потеплели, он щёлкнул по браслету и, уставившись разноцветными глазами, сказал по-русски — чисто, но немного странно:

— Привет! Меня зовут Марциал. А это Зиль, моя дочка. А это Большой Рха, мой, наш... — Тут голос его засбоил и выдал странное сочетание — «звериный сын».

Голос его звучал странно, как-то протяжно, а губы двигались с небольшой задержкой.

— Какой звериный сын... — Семён ничего не понимал. — Это что такое... где я...

— Ты в Москве, — пропел Марциал. — В парке Покрово-Страшнево.

— Стрешнево, — автоматически поправил Семён. — Это не тот парк. Где снег, где мама? Откуда вы?

— Очевидно, не совсем тот парк, — сочувственно согласился Марциал. Он поглядел на браслет и качнул косичками. Пробормотал под нос:

— Надо же, поразительно! Просто поразительно! Как это вышло — за пределами комплекса и такой чёткий перенос! Впервые, да, да, ты видишь?

Он обращался к кому-то, кого Семён не видел, и мальчик догадался, что мужчина не очень здоров. Наверное, они оба не очень здоровы. Да и ему тоже нехорошо, раз оборотни чудятся. Семён обмяк в ватрушке, чувствуя, как задыхается от жары. Было жарко — как весной. Хотя час назад, когда они выходили из дома, термометр показывал минус 14. «Ничего, — решил Семён. — Полежу, и всё исчезнет».

— Папа, я поняла, он из анциферов! — просиял эльф поменьше, и Семён понял, что это и правда девочка. Волосы у неё тоже были заплетены в косички и, будто живые, двигались. Сейчас все косички тянулись в его сторону. Выглядело страшновато.

— Ты же из анциферов, да? — подскочила она. Глаза у неё горели, и Семёну казалось, что она хочет его ущипнуть, но боится. — В первый раз вижу анцифера! А вы правда живёте как в древности, да? Без телепортов, на газу готовите, и ещё у вас этот... интернет, да. Вместо Тени? А зовут тебя как?

— Семён, — сказал Семён, устало двигая ногами. Потом решил-таки вылезти. Эти видения упорно не исчезали, а валяться в ватрушке перед лицом нечисти он не хотел.

— Он точно анцифер! — Девочка запрыгала на месте. — Какое имя древнее! Щас, погоди, сниму голо...

Она махнула рукой. Из её волос вылетела крохотная золотая стрекоза-заколка и закружилась вокруг Семёна с тонким жужжанием. — Мне же никто не поверит, — щебетала она. — Девочки с ума сойдут!

— Зиль, ты что, забыла? — строго спросил Марциал, и девочка осеклась. Косички её, вставшие дыбом, медленно опали вниз, замерцали, меняя цвет с оранжевого на сиреневый. Стрекоза присела на её ухо, потёрла металлические лапки. Девочка вздохнула.

— Прости, — сказала она. — Я правда забыла, что у вас запрет на технологии и на голосъёмку. Вы думаете, что голограммы воруют вашу... как это... душу? — Девочка посмотрела на Семёна, и тот вдруг понял, что глаза у неё зелёные, а косички совсем не страшные.

— Да ладно, — пробормотал Семён, — я не против... снимай это своё голо... если не больно это.

— Можно?! — Девочка снова вспыхнула — почти буквально, от макушки до кончиков волос прошла огненная волна, выгоняя сиреневый цвет. Стрекоза золотой молнией мелькнула в воздухе.

— Я, честно, я никому, я даже из Тени выйду, я обещаю...

— Ты оттуда спустился? — спросил Марциал, кивая на склон. Семён кивнул. Вроде летел оттуда,

но теперь ничего не понятно. Он не успокоился, но всё же немного определился — Марциал и Зиль, хоть и выглядели странно, вредить ему вроде бы не собирались. Другое дело — эта зверюга.

Она напряжённно нюхала ватрушку. Зиль вертела стрекозу в воздухе.

— Пойдём... — Марциал сделал приглашающий жест, — нам надо подняться. Я объясню. Возьми меня за руку, если это не причинит тебе страдания.

— Наверное, не причинит, — озадачился Семён. — Вы же меня не будете бить?

Марциал побледнел и нервно дёрнул косичку.

— Да ты что... как... нет, конечно. — Он был возмущён до глубины души. — Прости, я забыл, откуда ты...

— Что значит, откуда? Улица Маршала Аляпьева, дом шестнадцать, квартира тридцать два, — гордо сказал Семён. — Вы можете позвонить в полицию? Сказать, что я потерялся. Мою маму зовут Наталья, папу — Пётр.

Марциал смотрел на него со странным выражением сочувствия и уважения.

— Ты очень самостоятельный мальчик, да?

— Конечно, — согласился Семён, — я и в школу хожу сам, и на кружки. На суперфизику, например.

— Суперфизика, — задумчиво повторил Марциал. — Ну да, логично, структура тау-поля взаимодействует с высшими нейроструктурами, включая текущий уровень осознанности. Потому и не получается вытащить немыслящие объекты, конечно же! Невероятная удача! Ты просто не представляешь какая!

Он выглядел счастливым. Помедлил, потом, колеблясь, схватил Семёна за руку, присел, со значени-ем посмотрел в глаза. Троекратно обнял.

— Спасибо, — с чувством сказал он. — Спасибо.

И потянулся с явным желанием расцеловать. Семён отпрыгнул.

— Вы чего?! — заорал он. — Не надо меня целовать! Вы что — маньяк?!

— Папа, ты с ума сошёл? — изумилась Зиль. — Ты трогаешь чужого ребёнка без согласия? Ребёнка анцифера? Ты его целуешь?! Ты что, не знаешь, что это за-пре-ще-но?!

Марциал замахал руками.

— Ничего я не трогаю, Зиль, ты не понимаешь! Семён, разве у вас не... принято целоваться в знак благодарности? Между знакомыми людьми? В школе, в семье, во время политических переговоров?

Зиль озабоченно поглядела на него:

— Марциальчик, с тобой всё хорошо? Может, ты марсианский грипп подхватил?

Семён вдруг представил, как его целует Надежда Борисовна за успешно сданную контрольную, и ему стало нехорошо.

— Не надо меня целовать, — решительно сказал он. — У нас так не принято. Вообще, не знаю, у кого так принято.

— Ну хорошо, — легко согласился Марциал. — Для меня, признаться, это впервые, я всё же не историк-антрополог. Ну что, тогда пойдём?

Он протянул Семёну руку.

— Папа, ты куда его забираешь? — возмутилась Зиль.

— Зиль, нам надо подняться на склон. Ты оставайся с Большим, — строго сказал Марциал.

Волосы у Зиль встали дыбом, по ним забегали искры. Она сложила руки на груди.

— Кажется, ты меня считаешь маленьким и недееспособным членом общества, папочка? Ты ограничиваешь моё право на получение информации и отсекаешь от принятия ответственных решений?

Марциал слегка поморщился. Пробормотал под нос:

— Этот ваш курс гражданских прав и свобод...

— Что-что? — холодно спросила Зиль. Она выглядела совсем иначе — более взрослой. Стрекоза